

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.5

УДК 316.4 | ББК 60.526

© Морев М.В.

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕАЛИЗАЦИИ ОЦЕНОЧНОЙ ФУНКЦИИ СОЦИОЛОГИИ УПРАВЛЕНИЯ

МИХАИЛ ВЛАДИМИРОВИЧ МОРЕВ

Вологодский научный центр Российской академии наук

Вологда, Российская Федерация

e-mail: 379post@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1396-8195; ResearcherID: I-9815-2016

В статье рассмотрен практический опыт проведения мониторинга общественного мнения на территории Вологодской области как одного из возможных инструментов, способствующих реализации оценочной функции социологии управления. Роль оценочной функции социологии управления актуализируется под влиянием двух факторов: во-первых, на фоне накапливающихся в мировом сообществе противоречий, резко обострившихся в условиях пандемии коронавирусной инфекции и международной политической напряженности, во-вторых, в связи с особенностями внутреннего (национального) развития Российской Федерации в период рыночных трансформаций, особенно в XXI веке. Внешнеполитическая ситуация, сложившаяся в начале 2022 года, требует мобилизационной переориентации вектора развития во многих областях жизни, и в этот период оценочная функция социологии управления играет особое значение. В качестве эмпирической базы данных применяются результаты региональных, федеральных и международных социологических исследований, которые во многом коррелируют друг с другом и позволяют говорить о том, что на сегодняшний день социологические методы познания являются одним из наиболее эффективных и востребованных инструментов в реализации основных функций государственного управления.

Социология управления, оценочная функция, мониторинг общественного мнения, целеполагание, социальное государство, Конституция РФ.

В научной среде всегда существовало понимание несовершенства сугубо экономического подхода к теории и практике управления. Неслучайно в ее развитие значительный вклад внесли люди, оставившие след прежде всего в социологии (М. Вебер, Ф. Тейлор, А. Мэйо и др.) и социальной психологии (А. Маслоу, Д. МакГрегор, К. Левин и др.). В отличие от английского слова «менеджмент», предполагающего деятельность некоего субъекта управления (менеджера) в рамках какой-либо конкретной организации, термин «управление» является более широким и включает в себя как непосредственно менеджмент, так и администрирование – более общую, обезличенную государственную форму управления. Однако и в том, и в другом случае, когда речь идет об управлении, в первую очередь имеется в виду управление людьми, определенными социальными общностями, а не какими-либо другими (в том числе материальными) ресурсами.

Целью данного исследования является обоснование значимости мониторинга общественного мнения как инструмента реализации оценочной функции социологии управления. В соответствии с этими задачами выступают обоснование актуальности оценочной функции социологии управления с учетом глобальных и национальных особенностей современного периода; выявление ряда тенденций и особенностей российского общества с использованием социологического инструментария. Теоретическая значимость исследования заключается в применении социологического инструментария и получении с его помощью результатов, имеющих ценность для реализации оценочной функции социологии управления. Практическая значимость состоит в возможностях использования полученных сведений при проведении аналогичных исследований, в образовательной деятельности, а также при реализации основных направлений государственной социальной политики.

Понятие социологии управления было введено в научную литературу российскими учеными для обозначения направления

исследований, касающихся практикорегулятивной деятельности (Щербина, 2020, с. 56). Социология управления тесно связана с понятием «научный менеджмент», введенным Ф. Тейлором в начале XX века, однако имеет свои характерные черты: она рассматривает управление как динамическую систему общественных отношений, не ограничивается анализом иерархической структуры администрирования, детерминирована духовными и социальными ценностями, менталитетом, а не ограничена пространством только хозяйственных организаций, трудовыми отношениями, производством или бизнесом (Клементьев, Бубнова, 2019, с. 157). В понимание специфики социологии управления значительный вклад внесли такие ученые, как Д.С. Клементьев (Клементьев, 2014), А.В. Тихонов (Тихонов, 2011), О.И. Шкаратан (Шкаратан, 2003) и др.

Социологию управления, которая возникла и развивалась на стыке двух научных дисциплин (социология и управление), можно определить как «часть общей социологии, рассматривающую процесс становления, функционирования и развития определенной сферы жизнедеятельности и культуры согласованно действующей общности людей; исследует механизм социальных изменений и социальных отношений, закономерности социальных действий и поведения в системах и процессах управления» (Галкина, 2001, с. 18).

В научной литературе выделяют следующие функции социологии управления:

1) познавательная (изучение особенностей управления как специфической сферы трудовой деятельности, определение ее роли и значимости в развитии общества, организации, групп; изучение сущности управленческих отношений, роли и значения управления в развитии общества и его подсистем);

2) оценочная (определение соответствия существующей системы управления основным тенденциям развития общества, социальным потребностям и интересам личностей);

3) прогностическая (определение возможных траекторий развития управления);

4) образовательная или обучающая (распространение знаний об особенностях управления и управленческой деятельности);

5) социально-инженерная функция направлена на изменение социальных систем и институтов в заданном направлении;

6) гуманистическая, культурологическая функция выражается в формировании культуры управления, обеспечивающей необходимые условия для оптимизации управленческой деятельности;

7) поисково-прогностическая – определение возможных вариантов развития и возможных состояний систем и процессов.

В настоящее время (в XXI веке и, в частности, в 2010-х гг.) особого внимания заслуживает оценочная функция социологии управления. Это обусловлено, как минимум, двумя обстоятельствами. Во-первых, обострением противоречий между государством и обществом, между реализуемым курсом государственной политики и национальными интересами, что во многом диктуется развитием событий на международной политической арене. Внешними проявлениями этих противоречий можно считать такие события, как брекзит Великобритании, победа Д. Трампа на выборах в США, аналогичные результаты выборов в ряде стран Западной Европы; события, связанные с борьбой за независимость Каталонии, и т. д. Всех их объединяет несогласие широких слоев населения с официальной позицией действующего политического истеблишмента или, другими словами, несоответствие курса развития, реализуемого властвующими элитами, национальным потребностям и интересам.

Второй фактор связан с усилением роли именно социальных интересов и, соответственно, с задачей органов управления реализовывать их в рамках своей деятельности. Здесь следует упомянуть об объективной, эволюционной тенденции актуализации

неэкономических факторов развития (Горшков, 2014; Тощенко, 1998; Штомпка, 1996; Ядов, 1999), в частности в экономике¹ (Hosking, 2011); многочисленных проявлениях того, что господствующая на сегодняшний день капиталистическая система ценностей уступает место ценностям социализма (Calhoun, 2013), а количественные показатели уровня и качества жизни (такие как ВВП) все чаще перестают восприниматься как релевантные критерии эффективности государственного управления, вследствие чего во всем мире уже давно разрабатываются и совершенствуются разнообразные методологические подходы к измерению уровня счастья, удовлетворенности жизнью и т. д. (в том числе на государственном уровне)².

Все эти тенденции сегодняшнего дня имеют под собой прочный фундамент в виде, с одной стороны, стремительных темпов научно-технического прогресса, информационных технологий, ускорения ритма повседневности, актуализирующих роль социального во всех сферах жизни, в том числе в управлении; с другой стороны – в виде все более усложняющихся условий геополитической конкуренции, где неслучайно «информационная война играет значительно большую роль, чем военная сила»³. Очевидно также, что официальная статистическая информация, которой пользуются органы власти, анализируя положение дел в стране, не дает полной информации о втором участнике «диалога» – обществе, и это серьезно ограничивает возможности принятия управленческих решений с учетом таких важнейших аспектов, как настроения людей, их отношение к различным сферам личной и общественной жизни, к деятельности властных структур и т. д.

Указанные особенности и многие противоречия, накапливающиеся в мировом

¹ World Development Report (1998/99): Knowledge for Development. The World Bank, 1999; Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы: Доклад Всемирного банка (2003). Москва.

² Abdallah S., Thompson S., Michaelson J. [et al.] (2009). The Happy Planet Index 2.0. New Economics Foundation. URL: <http://www.neweconomics.org/projects/happy-planet-index>; 2nd OECD World Forum (2007). Istanbul. URL: <http://www.oecd.org/site/worldforum06/ishappinessmeasurableandwhatdothosemeasuresmeanforpolicy.htm>

³ Стариков Н.В. (2015). Лекция на Всероссийском молодежном форуме «Территория смыслов» на Клязьме. 26 июля // Блог Н. Старикова. URL: <http://nstarikov.ru/blog/53726>

сообществе на протяжении фактически всего послевоенного периода и особенно в XXI веке, существенно обострились вследствие восемнадцатой в истории человечества пандемии, вызванной коронавирусной инфекцией. Обострение вопроса о целостности территориальных и политических границ Европейского союза, пошатнувшаяся роль международных организаций (прежде всего Всемирной организации здравоохранения), массовые беспорядки в США на расовой почве и многие другие последствия коронавируса одновременно с экстремальным, вынужденным характером освоения виртуальной среды на всех уровнях организации человеческой жизни выдвигают на первый план вопрос о том, каким будет «посткоронавирусный» мир? Сохранятся ли в нем устоявшиеся правила ведения политики и экономики? Как пандемия отразится на соотношении в мире ценностей глобализации и национальных интересов? И как это может отразиться на жизни каждого конкретного человека?

Все вышеперечисленные факторы обуславливают актуальность роли оценочной функции социологии управления и, соответственно, поиска и совершенствования механизмов и инструментов ее реализации. Дискуссия о том, что ждет мировое сообщество в посткоронавирусную эпоху, пожалуй, одна из главных и далеко не «закрытых» тем в научном сообществе, и эта неопределенность во многом является «драйвером» роли именно оценочной функции социологии управления. При этом Российская Федерация – не исключение из правил общемировых тенденций. Напротив, во многом уникальные культурно-исторические факторы, воздействующие на современное российское общество, создают предпосылки для того, чтобы говорить об оценочной функции социологии управления как об одной из наиболее важных. Особенно в сложившейся мировой ситуации, в которой именно Российская Федерация выступает в роли главного субъекта («катализатора») процес-

са трансформации однополярной модели мира, существовавшей на протяжении всего послевоенного периода.

Здесь следует упомянуть и об исторически сложившейся уникальности российского менталитета, в котором особое место занимает субъективное ощущение справедливости (Козлов, 2010, с. 66; Епихина и др., 2016, с. 7), и сравнительно недавний опыт последних десятилетий, в частности распад Советского Союза, что стало для всего российского общества переломным моментом не столько в плане коренного изменения концептуальных основ социально-экономического развития, сколько в плане определения вектора социально-культурной трансформации. Социологи в связи с этим отмечают «глубинные сдвиги в социально-экономической и социально-политической жизни после распада СССР, которые разорвали поступательное развитие государства и общества...» (Тощенко, 2015, с. 14).

По прошествии более четверти века с момента распада СССР многое изменилось. Сегодня, как показывают результаты общероссийских исследований, в стране отмечается устойчивый рост доли людей, считающих, что для России важны реформы, а не стабильность⁴, что во многом связано с появлением значительного слоя людей, повысивших свой уровень жизни в «сытые 2000-е» и, соответственно, с ростом притязаний на дальнейшее продвижение в решении вопросов уже не только уровня, но и качества жизни (Петухов, 2018, с. 43).

Как отмечают эксперты Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (ФНИСЦ РАН), «число тех, кто полагает, что страна нуждается в существенных переменах, в политических и экономических реформах, выросло за последние шесть лет в 2 раза (с 28% в 2012 году до 56% в 2018 году). Российское общество, таким образом, постепенно подходит к очередному повороту, к развилке, за которой открывается новая социально-экономическая и политическая перспектива. В стране растет

⁴ Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены (2018): информационно-аналитический доклад ИС РАН. Москва. 55 с.

понимание того, что без серьезной переоценки тех стратегий и приоритетов, которые оправдали себя в минувшее относительно успешное десятилетие, страна вряд ли сможет эффективно двигаться вперед»⁵.

Опрос, проведенный ФГБУН ВолНЦ РАН на территории Вологодской области, показал в целом аналогичную тенденцию: с февраля по август 2018 года доля жителей региона, считающих, что России нужна стабильность, уменьшилась с 44 до 37%, а удельный вес тех, кто полагает, что страна нуждается в переменах, возрос с 38 до 46%⁶. Таким образом, очевидно, что реализация именно этой потребности (запроса на перемены) будет являться главным фактором доверия к органам власти и лично к В.В. Путину.

Новую повестку общественных запросов и ожиданий от власти задают и новые поколения – люди, выросшие уже после советской эпохи и даже после периода «лихих 90-х». Так, в преддверии последних президентских выборов эксперты отмечали, что «выборы 2018 года имеют очевидную демографическую особенность. Только новых, никогда не голосовавших на выборах президента граждан будет 7 млн человек (общее число избирателей чуть больше 100 млн). Тех, кого можно смело назвать «несоветскими» людьми (рожденными после 1985 года), будет 22 млн. Это 20% всех избирателей. К ним, впрочем, можно смело присоединить и всех тех, кто вошел во взрослую жизнь и сформировался после перестройки. Таких избирателей будет около 40%. Вот эти несоветские люди и будут определять вес мандата развития в 2018 году»⁷.

Таким образом, на разных исторических этапах перед государственным управлением встают различные задачи, в чем и заключается суть оценочной функции социологии управления – определение соответствия

существующей системы управления основным тенденциям развития общества.

Причем, понимая глубинную сущность и предназначение государства, саму историю его возникновения, вполне очевидно, что измерение его эффективности по классической схеме «затраты – результат», работающей, например, в бизнесе, невозможно и даже опасно. Исходя из этого сложно не согласиться с мнением некоторых экспертов, отводящих особую роль целеполаганию и собственно цели, которую ставит перед собой государство в тот или иной исторический период времени. «Государственное управление без оценочной рефлексии, – пишет, например, С.С. Сулакшин, – не имеет шансов на самосовершенствование и развитие. Качество, как и успешность государственного управления, не может оцениваться без апелляции к какой-либо ценности. Результат государственного управления, вне ценностного контекста поставленных целей, сам по себе характеристикой качества не является. В зависимости от целевых ориентиров один и тот же результат может быть оценен прямо противоположным образом. Например, российская приватизация: при рассмотрении ее с позиций материальных ожиданий и интересов большинства социума – безусловный провал; тогда как в рамках поставленной цели – скорейшего перехода (любой ценой) к рыночной экономике – это достаточно эффективная управленческая операция» (Сулакшин, 2012, с. 23).

Цели развития российского государства зафиксированы в различных документах стратегического характера (табл. 1), однако, если смотреть концептуально, то необходимо обратиться к главному документу страны – Конституции РФ, где указано, что «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на

⁵ Российское общество после президентских выборов – 2018: запрос на перемены (2018): информационно-аналитический доклад ИС РАН. Москва. С. 7.

⁶ Методический нюанс: в структуре опроса, проведенного ФГБУН ВолНЦ РАН в Вологодской области, фигурировал ответ «Затрудняюсь ответить». В феврале и августе 2018 года его выбрали 17–18% населения. Это объясняет некоторое расхождение в оценках жителей Вологодской области и России в целом. Тем не менее схожесть общей тенденции роста потребности в переменах прослеживается в обоих исследованиях.

⁷ Краткий словарь для выборов: мнение экспертов и аналитиков (2017) // Эксперт. № 17. URL: <http://expert.ru/expert/2017/17/kratkij-slovar-dlya-vyiborov>

Таблица 1. Цели государственной политики РФ

Источник	Цель
Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года	«Стратегической целью является достижение уровня экономического и социального развития, соответствующего статусу России как ведущей мировой державы XXI века, занимающей передовые позиции в глобальной экономической конкуренции и надежно обеспечивающей национальную безопасность и реализацию конституционных прав граждан» (пункт 3)
Стратегия национальной безопасности	«Обеспечение национальной безопасности – реализация органами государственной власти и органами местного самоуправления во взаимодействии с институтами гражданского общества политических, военных, организационных, социально-экономических, информационных, правовых и иных мер, направленных на противодействие угрозам национальной безопасности и удовлетворение национальных интересов» (пункт б)
Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года	1) Укрепление экономического суверенитета Российской Федерации; 2) повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов и угроз; 3) обеспечение экономического роста; 4) поддержание научно-технического потенциала развития экономики на мировом уровне и повышение ее конкурентоспособности; 5) поддержание потенциала отечественного оборонно-промышленного комплекса на уровне, необходимом для решения задач военно-экономического обеспечения обороны страны; б) повышение уровня и улучшение качества жизни населения (пункт 3)
Конституция РФ	«Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (статья 7)
Источник: составлено автором.	

создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» (статья 7).

Действовавшую до 2021 года Конституцию критиковали с разных позиций, в том числе и в вопросах целеполагания⁸. В этом смысле принятые поправки к Основному Закону, безусловно, приближают ее к классическому пониманию ценностей социального государства (преодоление неравенства, государственные гарантии социальной защиты и т. д.) (Лапин, 2019) и поэтому неслучайно их поддержало подавляющее большинство российских избирателей (79%, или почти 58 млн чел.). Консолидирующий эффект самих нововведений и выстроенной вокруг них организационно-просветительской работы (включая обсуждение поправок во всех регионах страны) имел важную роль в условиях пандемии, провоцирующей мировые «катаклизмы» и изменение образа жизни простых граждан. Однако если абстрагироваться от это-

го и вложить в понятие «социальное государство» более глубокий содержательный и практический смысл, то можно говорить об определенных критериях целеполагания, задающих, по крайней мере, контуры дальнейшего развития и позволяющих давать оценку эффективности государственного управления.

Именно с точки зрения эффективности построения социального государства качество государственного управления следует рассматривать еще и потому, что в настоящий момент времени это коррелирует и с растущим запросом общества на социальную справедливость, и с оценками ведущих российских ученых, отмечающих, что по сравнению со странами Европы «ожидания населения от действий социального государства в России выше вследствие пассивной и неэффективной политики государства по защите «слабых» групп населения...» (Лапин, 2019, с. 149).

⁸ Стариков Н.В. (2014). Нам обязательно надо менять Конституцию. 27 июля. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=ZSe6kFB-OQ8>

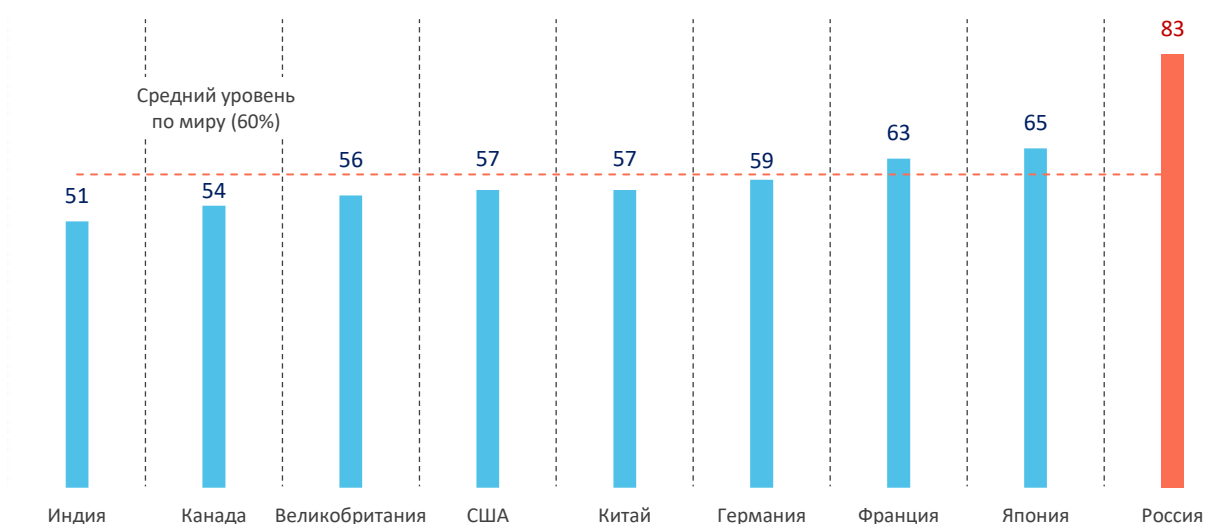

Рис. 1. Доля людей, считающих, что неравенство по доходам является одним из трех наиболее серьезных видов неравенства в их стране, % от числа опрошенных

Источник: Отчет Ipsos 19.03.2021. URL: https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2021-03/inequalities_around_the_globe_0_0.pdf

Исследование международной организации Ipsos, проведенное в 2020 году⁹, показало, что в России люди чаще всего выражают обеспокоенность такой формой неравенства, как неравенство по доходам (83%; *рис. 1*). Для сравнения, в целом по миру этот показатель составляет 60%¹⁰.

В середине XIX века автор термина «социальное государство» немецкий историк, философ и экономист Лоренц фон Штейн говорил о том, что «государство обязано способствовать экономическому и общественному прогрессу всех своих граждан, ибо в конечном счете развитие одного выступает условием развития другого, и именно в этом смысле говорится о социальном государстве... Функцией государства является поддержание абсолютного равенства в правах для всех различных общественных классов, для отдельной частной самоопределяющейся личности посредством своей власти»¹¹.

За последующие почти 200 лет появлялось множество различных трактовок понятия социального государства, но, по большому счету, классическое определение, на наш взгляд, по-прежнему сохраняет свою актуальность. «Государство может быть определено как социальное лишь тогда, когда проблема воспроизводства жизни человека как биологического существа, как потенциального субъекта всех видов общественной жизнедеятельности, становится главной задачей государства и институтов государственной власти, когда создана и действует правовая система защиты социальных интересов личности, когда на решение социальных проблем сориентированы экономика, политика и духовная жизнь общества»¹². «Социальное государство – характеристика (принцип), относящаяся к конституционно-правовому статусу государства, предполагающая конституционное гарантирование

⁹ Исследование проведено Ipsos в 28 странах мира на онлайн-платформе Global Advisor в период с 23 по 8 декабря 2020 года. Было опрошено 23004 взрослых в возрасте 18–74 лет в Сингапуре, 18–74 лет в США, Канаде, Малайзии, Южной Африке и Турции, 21–74 лет в Сингапуре и 16–74 лет – на других рынках. Источник: <https://www.ipsos.com/ru-ru/kakie-vidy-neravenstv-vidyatsya-naibolee-seryoznymi>

¹⁰ На рисунках представлены ключевые страны мира. Полный список дан в отчете Ipsos. Источник: <https://www.ipsos.com/ru-ru/kakie-vidy-neravenstv-vidyatsya-naibolee-seryoznymi>

¹¹ Роик В.Д. Концептуальные основы формирования социального государства в России: вопросы доходов населения и социального бюджетирования. URL: <http://viperson.ru>

¹² Гурлев А.В. (2001). Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Санкт-Петербург. 174 с.

экономических и социальных прав и свобод человека и гражданина и соответствующие обязанности государства. Означает, что государство служит обществу и стремится исключить или свести к минимуму неоправданные социальные различия» (Мунтян, 1998).

Цивилизационные изменения послевоенного периода (особенно глобальные процессы XXI века) существенно затрудняют возможность реализации оценочной функции социологии управления. Известно, например, что в Российской Федерации отмечается недопустимо высокий уровень социального неравенства (что, в частности, было отмечено в 2019 году и на уровне Министерства экономического развития РФ¹³). Однако является ли это следствием неэффективности государственного управления – вопрос далеко неоднозначный, ведь известно также, что рост неравенства – это общемировая, а не специфическая для России тенденция (Novokmett et al., 2017).

Методически для оценки эффективности государственного управления сегодня существует множество индикаторов: Интегральный показатель государственного управления, измеряемый Всемирным банком; Индекс развития человеческого потенциала (Комитет развития ООН); Индекс глобальной конкурентоспособности (Всемирный экономический форум) и т. д. Таких индикаторов не один десяток и все они, безусловно, имеют инструментальную ценность.

Однако следует отметить, что в подобных показателях все большую роль приобретают субъективные оценки населения. Это связано в первую очередь с вышеуказанными общемировыми тенденциями и специфическими российскими особенностями. Не менее значимо, что на протяжении фактически всех своих президентских сроков В.В. Путин регулярно обращает вни-

мание на важность общественного мнения как критерия эффективности работы органов управления¹⁴.

Обращение к общественному мнению, нацеленность всей системы управления и деятельности чиновников всех уровней на реализацию интересов конкретных людей – один из главных факторов, обуславливающих позитивное восприятие политической риторики президента и высокого доверия лично к нему со стороны широких слоев населения. Это отчасти связано с возрастающей ролью социума как субъекта, преобразующего социальную реальность (или, по крайней мере, с рефлексией по этому поводу, что было обеспечено относительной стабилизацией жизненных условий в период «тучных 2000-х» гг.); отчасти, на наш взгляд, усматриваются отголоски недавней российской истории, а именно периода «лихих 90-х», когда многие решения властвующих элит принимались без оглядки на характер общественных настроений.

Таким образом, вектор развития современного общества диктует необходимость все большего обращения внимания на мнение населения при осуществлении государственного управления. Если в конце 1980-х – начале 1990-х гг. общественная и политическая ситуации сформировали запрос на недорогие прикладные исследования, имеющие своей целью конкретные рецепты для решения той или иной задачи (Жуков, 2007, с. 13), то сегодня социологию интересуют «состояние и проблемы общественного и группового сознания, готовность действия (или деятельности) по реализации того, что созрело в душах и сердцах людей» (Тощенко, 2014, с. 7).

Для получения объективной и полной информации об обществе важно осуществлять социологические исследования в мониторинговом режиме. Только так

¹³ Орешкин указал на недопустимо высокий уровень неравенства в России // Новости ТАСС. 15.01.2019. URL: <https://tass.ru/obschestvo/5999217>

¹⁴ Выступление В.В. Путина на заседании Комиссии при Президенте по мониторингу достижения целевых показателей социально-экономического развития Российской Федерации 7 мая 2014 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20974>; Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации: стенограмма селекторного совещания. 10.01.2012. URL: <http://archive.government.ru/special/docs/17719>; Обращение Президента к гражданам России 29 августа 2018 г. // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/58405>

можно обеспечить системный характер получения сведений, которые будут отражать динамику общественного мнения в различные исторические периоды, показывать реакцию различных групп общества на изменения, происходящие в стране. И, разумеется, только такой характер информации будет иметь реальную практическую пользу как для науки, так и для управленческой деятельности.

Актуальность мониторингового характера исследований подчеркивала Т.И. Заславская еще в начале 1990-х гг. (Заславская, 1993, с. 12), и сегодня этот принцип остается одним из главных условий получения объективных результатов. Научные публикации не должны быть основаны на так называемых «моментальных фото» общества, социальной группы или какой-либо отдельно взятой проблемы (Тощенко, 2014, с. 6).

В целом по стране комплексные социологические исследования в мониторинговом режиме проводят многие организации: ФОМ, ВЦИОМ, Левада-Центр* и др. Однако на региональном уровне такая практика развита крайне слабо. Практический опыт мониторинговых исследований по широкой тематике имеет Вологодский научный центр РАН, проводящий опросы населения Вологодской области с 1996 года¹⁵.

В круг вопросов, рассматриваемых в мониторинге, входят:

- 1) оценка населением политической и экономической ситуации в стране, регионе;
- 2) восприятие людьми актуальных проблем современной жизни;
- 3) материальное положение населения, социально-экономическая стратификация;
- 4) уровень потребления и измерение индекса потребительских настроений (ИПН);
- 5) социальное настроение и удовлетворенность жизнью;

6) отношение людей к политике властных структур, оценка их деятельности;

7) уровень социального доверия политическим и общественным институтам;

8) уровень социальной напряженности и потенциал социального протеста;

9) социальный капитал и потенциал развития гражданского общества;

10) оценка личной безопасности и правопорядка;

11) отношение населения к деятельности средств массовой информации.

Акцентируя внимание на критериях социального государства как общего ориентира (цели) развития, зафиксированного в Конституции РФ, отметим, что данные социологических измерений, получаемых на региональном уровне, во многом коррелируют с результатами общероссийских и международных исследований, что, на наш взгляд, свидетельствует об устойчивости выявляемых характеристик российского общества.

В частности, в нем фиксируется рост потребности в социальной справедливости. Так, на вопрос корреспондента «РФ сегодня» «Что выходит на первое место в жизненной стратегии в связи с текущей повседневностью?» директор ФНИСЦ РАН М.К. Горшков ответил следующим образом: «Мы получили совершенно неожиданные результаты. Понятно, что на первом месте финансовое благополучие. Понятно, что в шкале ценностей важное место отводится работе, дружбе и общению, здоровью и красоте. Это характерно для российской ментальности. Но то, что на второе место вышел приоритет – жить в более справедливом обществе, этого мы не ожидали. До какого же градуса остроты надо довести проблему социальной несправедливости, чтобы люди в кризисный период, когда столько серьезных экономических проблем, отдавали приоритет стремлению жить в бо-

* Внесен в реестр иностранных агентов.

¹⁵ Каждые два месяца опрашивается 1500 жителей старше 18 лет в двух крупных городах (Вологда, Череповец), а также в 8 районах области: Бабаевский, Великоустюгский, Вожегодский, Грязовецкий, Кирилловский, Никольский, Тарногский и Шекснинский. Репрезентативность выборки обеспечивается соблюдением пропорций между городским и сельским населением; пропорций между жителями населенных пунктов различных типов (сельские населенные пункты, малые и средние города); половозрастной структуры взрослого населения области. Метод опроса – анкетирование по месту жительства респондентов. Ошибка выборки не превышает 3%.

лее справедливом обществе. Власти следует задуматься над этим...»¹⁶. По данным мониторинга ВолНЦ РАН, точку зрения о том, что «современное российское общество устроено несправедливо», с каждым годом разделяет все большее количество людей; за период с 2015 по 2018 год их доля возросла с 51 до 60% (рис. 2).

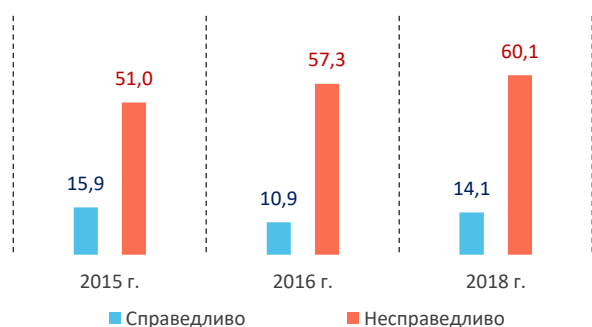

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, современное российское общество устроено справедливо или несправедливо?», % от числа опрошенных
Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

О многом говорит структура проблем, в первую очередь беспокоящих население области. Лидирующие позиции на протяжении периода с 1999 по 2020 год устойчиво занимают инфляция, низкий уровень жизни, бедность и расслоение населения на «бедных» и «богатых» (табл. 2). При этом актуальность самых острых проблем не ослабла, а даже усилилась: доля людей, обеспокоенных проблемой инфляции, за период с 1999 по 2020 год увеличилась с 55 до 58%; расслоением населения на «бедных» и «богатых» – с 21 до 35%, коррупцией – с 15 до 18%. Данные социологических исследований, таким образом, во многом подтверждают опасения ученых в том, что это «чревато вполне предвидимыми негативными социальными последствиями» (Тихонов, 2018, с. 128).

Важной характеристикой современного российского общества является высокая доля людей, неуверенных в своем будущем. Следует отметить, что эта проблема характерна, по большому счету, для всей современной мировой цивилизации, которую ученые давно называют «обществом опасностей и катастроф» (Beck, 1986), обществом, «в котором безопасность поднята до уровня центральной ценности» (Ewald, 1989); «обществом риска, постоянно балансирующим на грани безопасности и ненадежности, неопределенности и выбора» (Бехман, 2007). Однако в Российской Федерации она усугубляется многолетним, «застойным» характером актуальных проблем¹⁷, отсутствием позитивных сдвигов в общественном восприятии относительно ключевых проблем, связанных с социальным неравенством, а также уровнем и качеством жизни. К примеру, по данным наших исследований, доля людей, субъективно причисляющих себя к категории «бедных и нищих», с 2009 года (то есть фактически со времени мирового финансового кризиса) превалирует над долей тех, кто считает себя «людьми среднего достатка» (45–50 против 40–45% соответственно), и на протяжении последних почти 10 лет это соотношение существенно не меняется.

С 1997 по 2018 год, как показывают результаты мониторинга общественного мнения, динамика доли жителей Вологодской области, сталкивающихся с проблемой неуверенности в завтрашнем дне, имела разный вектор, но, по большому счету, в данном случае важна даже не динамика, а именно тот факт, что на протяжении всего последнего 20-летия неуверенность в будущем проявляло очень значительное количество людей. Даже в самые лучшие времена (2003–2004 гг.) доля тех, кто сталкивался с этой проблемой, составляла 35–40%, а в последние годы ее отмечают более половины опрошенных¹⁸ (рис. 3).

¹⁶ В обществе возник новый социальный ресурс (материалы интервью с М.К. Горшковым) // Newsland. 31.05.2015. URL: <https://newsland.com/user/4297742588/content/v-obshchestve-voznik-novyi-sotsialnyi-resurs/4720098>

¹⁷ Горшков М.К. (2010). Российская социология и вызовы современного общества: вместо предисловия // Россия реформирующаяся: ежегодник. Вып. 9. Москва: Новый Хронограф. С. 6.

¹⁸ Следует при этом отметить, что резкий рост доли людей, неуверенных в завтрашнем дне, за период с 2019 по 2020 год носит вполне объяснимый характер, связанный с первыми «волнами» пандемии коронавирусной инфекции.

Таблица 2. Структура наиболее актуальных проблем, волнующих население, % от числа опрошенных

Проблема	1999 год		2000 год		2004 год		2008 год		2012 год		2018 год		2020 год	
	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг	%	ранг
Инфляция	54,5	2	44,7	2	39,5	1	56,3	1	55,3	1	53,7	1	57,9	1
Низкий уровень жизни, бедность	57,1	1	50,8	1	32,8	4	41,4	2	43,2	2	51,1	2	53,8	2
Расслоение населения на «бедных» и «богатых»	21,3	9	27,7	7	30,8	5	31,4	4	37,5	3	35,9	3	35,3	3
Проблема жилищного обеспечения, низкая доступность жилья	11,8	14	16,8	9	23,1	9	36,3	3	28,6	4	23,5	4	25,0	4
Экономическая нестабильность, остановка предприятий	39,6	4	29,1	6	14,8	13	17,0	10	16,5	11	22,5	6	24,6	5
Социальная незащищенность граждан	32,5	6	34,4	4	28,7	6	24,8	7	22,3	8	19,9	9	23,8	6
Высокий уровень преступности, незащищенность от криминалитета, хулиганства	33,4	5	36,9	3	34,2	3	28,4	5	25,5	6	19,0	10	20,2	7
Политическая нестабильность	21,9	8	16,0	10	8,7	17	7,8	15	11,2	16	23,1	5	19,5	8
Коррупция, взяточничество	14,8	11	15,4	11	18,7	10	17,5	9	19,8	9	21,9	7	17,5	9
Неудовлетворительное качество инженерной инфраструктуры (ЖКХ, дороги, транспорт и т. д.)	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	н.д.	25,3	7	20,1	8	16,7	10
Бездуховность, разгул безнравственности	11,6	15	15,1	12	18,2	11	11,0	14	12,2	13	13,5	15	10,7	17

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

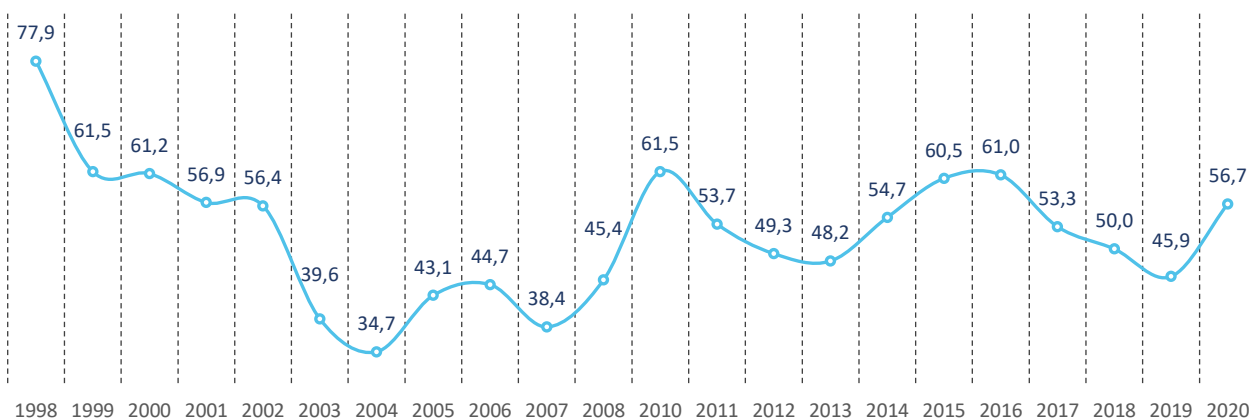

Рис. 3. Доля людей, испытывающих неуверенность в завтрашнем дне (Вологодская область; данные ВолНЦ РАН)*, % от числа опрошенных

* Формулировка вопроса: «С какими из перечисленных проблем Вы лично столкнулись в прошлом году?». Вариант ответа: «Отсутствие уверенности в завтрашнем дне». Вопрос задается один раз в год.

Источник: данные мониторинга общественного мнения ВолНЦ РАН.

При этом нельзя сказать, что ситуация в Вологодской области является уникальной. В целом по стране (по данным ВЦИОМ) «страх за будущее детей» доминирует (причем со значительным «перевесом»; 32%) над такими страхами, как потеря работы (23%),

бедность и нищета (26%), стихийные бедствия (7%), ядерная война (17%), голод (11%), старость (15%), преступность (11%), национальные конфликты (11%), смерть или болезнь близких (19–22%), собственная смерть (3%)¹⁹.

¹⁹ База данных ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/database/baza_rezultatov_oprosa_s_1992_goda (дата обращения 11.10.2017).

Таблица 3. Распределение ответов на вопрос «Насколько Вы уверены в том, что Вы лично способны участвовать в политике?» (данные европейского социального исследования, 2016 год), %

Страна	Совсем не уверен, уверен мало	Некоторая уверенность есть	Полностью, в значительной мере уверен	Затрудняюсь ответить	Место
Чехия	83	12	3	2	1
Эстония	80	15	3	0	2
Словения	75	20	5	1	3
Россия	74	17	6	3	4
Нидерланды	71	22	7	0	5
Финляндия	71	20	9	0	6
Бельгия	71	23	6	0	7
Польша	70	20	7	2	8
Израиль	67	18	10	4	9
Франция	63	29	7	1	10
Ирландия	63	26	11	1	11
Великобритания	58	27	14	0	12
Швеция	49	33	17	1	13
Германия	43	34	23	1	14
Норвегия	43	35	21	1	15
Швейцария	43	33	21	3	16
<i>Среднее по 16 странам</i>	<i>64</i>	<i>24</i>	<i>11</i>	<i>1</i>	<i>-</i>

Источники: база данных Европейского социального исследования. URL: <http://www.ess-ru.ru>; база данных ВолНЦ РАН.

На фоне застойного характера ключевых проблем и неуверенности в будущем происходит концентрация интересов и надежд людей на своем микросоциуме. Эксперты называют этот процесс «социальной атомизацией» (Горшков, 2012; Жуков, 2008), а также фиксируют устойчивый рост доли так называемых «самодостаточных россиян», «которые не нуждаются в государственной опеке или просто не верят в ее эффективность» (Петухов, 2018, с. 50). По оценкам ФНИСЦ РАН, за период с 2011 по 2016 год доля «самодостаточных россиян» увеличилась с 34 до 48%. Ученые отмечают, что «сегодня самодостаточные россияне – это не социальная периферия, не маргинальная прослойка, а существенная по масштабу социальная группа, выражающая собой тренд на формирование активистской доминанты в российском обществе»²⁰.

Тем не менее самодостаточность россиян во многом носит вынужденный характер. Об этом говорит крайне низкая доля людей, отмечающих свою возможность участвовать в политической жизни страны. По крайней мере, в России об этом говорят 74% людей (в среднем по 16 странам – 64%; табл. 3). По данным ВЦИОМ, в 2017 году 70% россиян говорили о том, что не могут влиять на ситуацию в своем населенном пункте, в области, в стране в целом; 51% утверждали, что «у граждан России нет возможности контролировать деятельность властей или каким-то образом влиять на решения, которые принимаются властями». По данным ВолНЦ РАН, 82% жителей области считают, что не могут влиять на положение дел в регионе или в стране; 74% – на положение дел в своем муниципальном образовании.

²⁰ Российское общество весной 2016 года: тревоги и надежды (2016) // Информационно-аналитическое резюме по итогам общероссийского исследования. Москва. 32 с.

Таким образом, представленные выше эмпирические результаты, полученные при помощи социологического инструментария (мониторинга общественного мнения), позволяют более глубоко исследовать состояние общества и реакции населения на принимаемые государством реформы, что имеет важное значение в реализации оценочной функции социологии управления. В частности, исходя из полученных сведений, можно сделать вывод о том, что на сегодняшний день отмеченная в Конституции РФ цель государственной политики (если таковой считать социальное государство) пока что далека от своей реализации. Хотя сложившиеся на начало 2022 года внешнеполитические условия могут стать катализатором форсированного решения этой задачи. Вполне возможно, что именно «благодаря людям, живущим повседневной жизнью, делающим тот или иной выбор, принимающим решение по поводу своих частных целей, и происходят изменения в экономике, демографии, в области жизненных стилей, привычек и т. д. А разрозненные результаты их индивидуальных поступков приводят к зарождению долговременных тенденций» (Штомпка, 1996). Однако в настоящее время ученые отмечают, что социально-гуманистический вектор «пока не стал ведущим в трансформационных процессах, происходящих как в российском обществе в целом, так и в каком-то значимом региональном измерении... Трансформация происходит прежде всего в интересах крупного бизнеса (корпораций) и так называемых «элит», высокоресурсных групп, которые, по сути, являются экстерриториальными и не только не ориентированы в гуманистическом векторе, но и весьма ограниченно проявляют свою социальную ответственность в регионах, на территории которых они действуют, замыкаясь преимущественно

на своих корпоративных интересах» (Маркин, 2014, с. 137).

Сегодня в России «не используется в должной мере обобщение отечественного опыта управления и разработка нашей модели социального государства, предусмотренной Конституцией РФ» (Тихонов, 2018, с. 19). Возможно, вступление в силу поправок к Основному Закону позволит сделать качественно новый шаг в этом направлении.

В заключение отметим, что социологический инструментарий был и остается безальтернативным «способом познания мира общественного мнения»²¹. При этом общие тенденции развития мировой цивилизации (такие, как актуализация роли неэкономических факторов, человеческого потенциала, дальнейшая виртуализация социальных отношений, развитие информационных технологий и т. д.) указывают на то, что в дальнейшем будет возрастать роль и повышаться требования как к самому социологическому знанию, так и к социологии управления. Не случайно ученые отмечают, что «XXI веку во всемирном научном сообществе пророчат определяющий титул «века социальных наук» (Осипов, 2013, с. 9).

Это в полной мере касается и оценочной функции социологии управления, поскольку общество (не только в России, но и в других странах мира) все в большей степени начинает ощущать себя активным субъектом, способным влиять на политическую ситуацию. Соответственно, цели, которые ставит перед собой правящая элита, должны рефлексироваться на научном, теоретическом и эмпирическом уровнях в целях преодоления стихийного восприятия окружающей действительности в обыденном сознании, зачастую неспособном охватить весь комплекс внутренних и внешних вызовов, стоящих перед органами государственного управления.

²¹ Разуваев В. Социологи вступились за честь профессии (2016) // Независимая газета. 14 ноября. URL: http://www.ng.ru/politics/2016-11-14/3_6859_sociolog.html

ЛИТЕРАТУРА

- Бехман Г. (2007). Современное общество как общество риска // Вопросы философии. № 1. С. 26–46.
- Галкина Т.П. (2001). Социология управления: от группы к команде. Москва: Финансы и статистика. 220 с.
- Горшков М.К. (2014). Об аксиоматической трактовке влияния неэкономических факторов на экономический рост // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 3. С. 45–56.
- Горшков М.К., Тихонова Н.Е. (2012). «Русская мечта»: опыт социологического измерения // Социологические исследования. № 12. С. 3–11.
- Епихина Ю.Б., Зотов А.А., Попова И.П., Сапов В.В., Черныш М.Ф. (2016). Социальная справедливость в русской общественной мысли: монография / отв. ред. Ю.Б. Епихина. Москва: Ин-т социологии РАН. 219 с.
- Жуков В.И. (2007). Социология в современной России: доклад на Учредительном съезде Союза социологов России // Социологические исследования. № 12. С. 4–13.
- Жуков В.И. (2008). Россия в глобальной системе социальных координат: социологический анализ и прогноз // Социологические исследования. № 10. С. 29–40.
- Заславская Т.И. (1993). Вперегонки со временем // Общественные науки и современность. № 3. С. 6–19.
- Клементьев Д.С. (2014). Социология и психология управления. Москва: Аргатакс-Медиа.
- Клементьев Д.С., Бубнова М.И. (2019). Экономическая социология и социология управления: специфика исследований управленческих процессов // Государственное управление. Электронный вестник. № 75. С. 145–167.
- Козлов М.И. (2010). Социальная справедливость в контексте русской традиции: монография. Архангельск. 201 с.
- Лапин Н.И. (2019). Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России / под общ. ред. Н.И. Лапина; Ин-т философии РАН. Санкт-Петербург: Реноме. 512 с.
- Маркин В.В. (2014). Региональная социология и управление: «дорожная карта» взаимодействия // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. № 5. С. 135–142.
- Мунтян М.А. (1998). Государство в меняющемся мире (к вопросу о новой парадигме государственности) // Исторический процесс и проблемы развития России. Москва: Изд-во РВСН им. Петра Великого. С. 89–110.
- Осипов Г.В. (2013). Не упустить представившийся шанс! // Социология и экономика современной социальной реальности: социальная и социально-политическая ситуация в России в 2013 году. Москва: ИСПИ РАН. С. 6–18.
- Петухов В.В. (2018). Динамика социальных настроений россиян и формирование запроса на перемены // Социс. № 11. С. 40–53.
- Сулакшин С.С. (2012). Качество и успешность государственных политик и управления. Сер.: Политическая аксиология. Москва: Научный эксперт. 496 с.
- Тихонов А.В. (2018). Проблема реформирования системы управления в стране: к истории разработки исследовательской программы // Вестник Института социологии. № 25. С. 11–26.
- Тихонов А.В. (2011). От социологии менеджмента к социологии управления // Социологические исследования. № 2. С. 40–45.
- Тихонов А.В. (2018). Проблема реформирования работы властно-управленческой вертикали в регионах РФ с разным уровнем социокультурной модернизации // Научный результат. Социология и управление. Т. 4. № 4. С. 121–136.
- Тощенко Ж.Т. (2014). Время Акме – социологическим исследованиям 40 лет // Социологические исследования. № 7 (363). С. 3–7.
- Тощенко Ж.Т. (1998). Социальное настроение – феномен социологической теории и практики // Социологические исследования. № 1. С. 21–34.
- Тощенко Ж.Т. (2015). Фантомы российского общества. Москва: Центр социального прогнозирования и маркетинга. 668 с.
- Шкаратан О.И. (2003). Русская культура труда и управления // Общественные науки и современность. № 1. С. 30–54.
- Штомпка П. (1996). Социология социальных изменений / пер. с англ. А.С. Дмитриева; под ред. В.А. Ядова. Москва: Аспект Пресс.

- Щербина В.В. (2020). Социология управления как специальная социолого-регулятивная теория: генезис, рост, перспективы // Социологические исследования. № 5. С. 56–65.
- Ядов В.А. (1999). Россия как трансформирующееся общество (резюме многолетней дискуссии социологов) // Общество и экономика. № 10–11. С. 65–72.
- Beck U. (1986). *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Calhoun C., Derluigi G., Wallerstein I., Mann M. (2013). *Randall Collins Does Capitalism Have a Future?* Oxford University Press.
- Ewald F. (1989). *Die Versicherungen – Gesellschaft. Kritische Justiz*.
- Hosking G. (2011). *Trust: Money, Markets, and Society*. Seagull Books.
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2017). *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016*. National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA August.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Владимирович Морев – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, заместитель заведующего отделом, Вологодский научный центр Российской академии наук (Российская Федерация, 160014, г. Вологда, ул. Горького, д. 56а; e-mail: 379post@mail.ru)

Morev M.V.

PUBLIC OPINION MONITORING AS A TOOL TO IMPLEMENT EVALUATION FUNCTION OF THE SOCIOLOGY OF MANAGEMENT

The article considers practical experience of public opinion monitoring in the Vologda Oblast as one of the possible tools that contribute to implementing the evaluation function of the sociology of management. The role of the evaluation function of the sociology of management is actualized under the influence of two factors: first, against the background of accumulating contradictions in the world community, sharply exacerbated in the pandemic context and international political tensions; second, due to the specifics of Russia's internal (national) development in the market transformations period, especially in the 21st century. The foreign policy situation at the beginning of 2022 requires a mobilizing reorientation of the development vector in many areas of life, and in this period the evaluation function of the sociology of management plays a special role. As an empirical database, we used the results of regional, federal and international sociological studies, which largely correlate with each other and allow saying that today sociological methods of knowledge are one of the most effective and popular tools in the implementation of the basic functions of public administration.

Sociology of management, evaluation function, public opinion monitoring, goal-setting, social state, Constitution of the Russian Federation

REFERENCES

- Beck U. (1986). *Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag.
- Bekhman G. (2007). Modern society as a risk society. *Voprosy filosofii*, 1, 26–46 (in Russian).
- Calhoun C., Derluigi G., Wallerstein I., Mann M. (2013). *Randall Collins Does Capitalism Have a Future?* Oxford University Press.

- Epikhina Yu.B., Zotov A.A., Popova I.P., Sapov V.V., Chernysh M.F. (2016). *Sotsial'naya spravedlivost' v russkoi obshchestvennoi mysli: monografiya* [Social Justice in Russian Social Thought: Monograph]. Moscow: In-t sotsiologii RAN.
- Ewald F. (1989). *Die Versicherugs – Gesellschaft. Kritische Justiz*.
- Galkina T.P. (2001). *Sotsiologiya upravleniya: ot gruppy k komande* [Sociology of Management: From Group to Team]. Moscow: Finansy i statistika.
- Gorshkov M.K. (2014). On the axiomatic interpretation of the economic factors' impact on economic growth. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 3, 45–56 (in Russian).
- Gorshkov M.K., Tikhonova N.E. (2012). “Russian dream” in the perception of Russians: Analyzing the results of sociological survey. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 12, 3–11 (in Russian).
- Hosking G. (2011). *Trust: Money, Markets, and Society*. Seagull Books.
- Klement'ev D.S. (2014). *Sotsiologiya i psikhologiya upravleniya* [Sociology and Psychology of Management]. Moscow: Argamak-Media.
- Klementiev D.S., Bubnova M.I. (2019). Economic sociology and sociology of management: Specifics of research management processes. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyi vestnik=Public Administration. E-Journal*, 75, 145–167 (in Russian).
- Kozlov M.I. (2010). *Sotsial'naya spravedlivost' v kontekste russkoi traditsii: monografiya* [Social Justice in the Context of the Russian Tradition: Monograph]. Arkhangel'sk.
- Lapin N.I. (2019). *Stanovlenie gosudarstva blagosostoyaniya i perspektivy sotsial'nogo gosudarstva v Rossii* [The Emergence of the Welfare State and the Prospects of a Social State in Russia]. Saint Petersburg: Renome.
- Markin V.V. (2014). Regional sociology and management: A “roadmap” for interaction. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz=Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 5, 135–142 (in Russian).
- Muntyan M.A. (1998). The State in a Changing World (Toward a New Paradigm of Statehood). In: *Istoricheskii protsess i problemy razvitiya Rossii* [Historical Process and Problems of Russia's Development]. Moscow: Izd-vo RVSN im. Petra Velikogo (in Russian).
- Novokmet F., Piketty T., Zucman G. (2017). *From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016*. National Bureau of Economic Research. Cambridge, MA August.
- Osipov G.V. (2013). Don't miss your chance! In: *Sotsiologiya i ekonomika sovremennoi sotsial'noi real'nosti: sotsial'naya i sotsial'no-politicheskaya situatsiya v Rossii v 2013 godu* [Sociology and Economics of Modern Social Reality: The Social and Socio-Political Situation in Russia in 2013]. Moscow: ISPI RAN (in Russian).
- Petukhov V.V. (2018). Dynamics of the social attitudes of Russia's citizens and making of a public demand for chance. *Sotsis=Sociological Studies*, 11, 40–53 (in Russian).
- Shcherbina V.V. (2020). Sociology of management as a special socio-regulative theory, genesis, growth outlook. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 5, 56–65 (in Russian).
- Shkaratan O.I. (2003). Russian culture of labor and management. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'=Social Sciences and Contemporary World*, 1, 30–54 (in Russian).
- Sulakshin S.S. (2012). The quality and success of public policy and governance. In: *Ser.: Politicheskaya aksiologiya* [Series: Political Axiology]. Moscow: Nauchnyi ekspert.
- Sztompka P. (1996). *Sotsiologiya sotsial'nykh izmenenii* [The Sociology of Social Change]. Moscow: Aspekt Press.
- Tikhonov A.V. (2011). From sociology of management to sociology of management. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 2, 40–45 (in Russian).
- Tikhonov A.V. (2018). The problem of reforming the work of the power-management vertical in the regions of the Russian Federation with different levels of socio-cultural modernization. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie=Research Result. Sociology and Management*, 4(4), 121–136 (in Russian).
- Tikhonov A.V. (2018). The problem with reforming our country's system of government: Addition to the history of developing a research program. *Vestnik Instituta sotsiologii=Bulletin of the Institute of Sociology*, 25, 11–26 (in Russian).
- Toschenko Zh.T. (1998). Social attitude as a phenomenon of sociological theory and practice. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 1, 21–34 (in Russian).
- Toschenko Zh.T. (2014). Our journal “Sociological Studies” is under the acme age now. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 7(363), 3–7 (in Russian).

- Toschenko Zh.T. (2015). *Fantomy rossiiskogo obshchestva* [Phantoms of Russian Society]. Moscow: Tsentr sotsial'nogo prognozirovaniya i marketinga.
- Yadov V.A. (1999). Russia as a transforming society (summary of years of discussion by sociologists). *Obshchestvo i ekonomika=Sociology and Economy*, 10–11, 65–72 (in Russian).
- Zaslavskaya T.I. (1993). Racing against time. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'=Social Sciences and Contemporary World*, 3, 6–19 (in Russian).
- Zhukov V.I. (2007). Sociology in modern Russia: Report to the founding congress of the union of sociologists of Russia. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 12, 4–13 (in Russian).
- Zhukov V.I. (2008). Russia in the global system of social coordinates: Sociological analysis and forecast. *Sotsiologicheskie issledovaniya=Sociological Studies*, 10, 29–40 (in Russian).

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mikhail V. Morev – Candidate of Sciences (Economics), Leading Researcher, deputy head of department, Vologda Research Center, Russian Academy of Sciences (56A, Gorky Street, Vologda, 160014, Russian Federation; e-mail: 379post@mail.ru)